

Чи Цзиньсянь впопыхах сцапал столовую карту. От нервозности движение вышло сбивчивым, и его ладонь накрыла тыльную сторону кисти Лу Чжи, всё ещё покоившуюся у него на ключице.

«Держать его за руку — это же просто сказка!»

Двойной выигрыш: и карту доверили, и дотронуться удалось. От захлестнувшего восторга и ощущения абсолютной сюрреалистичности происходящего Цзиньсянь едва не потерял голову. Он глуповато расплылся в улыбке и притих, пока Лу Чжи сдержанно не сдвинул пальцы под его ладонью и не бросил сдержанно и тихо:

— Отпусти.

Лишь тогда Цзиньсянь очнулся. Задрал голову, радостно закивал и пролепетал:

— Ой, да-да, конечно! — и со всех ног отдёрнул руку. — Спасибо, брат Лу!

Развернувшись обратно к доске, он уткнулся взглядом в карточку. Изучал её со всех сторон с таким усердием, словно намеревался прожечь пластик насквозь.

Цзян Байсяо глядел на эту сцену и ровным счётом ничего не понимал. Ещё вчера он на школьном форуме схлестнулся в словесной баталии с теми, кто язвительно пророчил Цзиньсяню очередной позор — своего соседа по парте он и сам мог поддевать, но спуску чужакам не давал! Другие одноклассники, дружившие с Цзиньсянем, тоже, верно, сокрушались.

И что всё это значит? Лу Чжи отныне официально разрешил Цзиньсяню объедать себя?

Байсяо казалось, будто он видит соседа впервые в жизни. Он впился в него пристальным взглядом, надеясь, что тот заметит этот искренний, сгорающий от любопытства взор.

Но Чи Цзиньсянь целиком ушёл в эйфорию от полученной карты. Внешний мир для него просто перестал существовать.

Посмотреть на Лу Чжи? Смелости бы хватило, а вот расспросить — ни за что. Да и о чём спрашивать? «Почему ты вдруг поступаешь совершенно не в своём духе? Что вообще между вами происходит?»

Пока эти мысли крутились в голове, дурацкая отвага опередила разум: вопреки здравому смыслу, гласившему «не оборачивайся», голова и глаза Байсяо сами собой поползли назад.

Едва он чуть повернулся и мазнул взглядом по соседнему ряду, как тут же наткнулся на ледяной, равнодушный взор Лу Чжи!

Испугавшись до чёртиков, Байсяо тихо ахнул и выпалил на автомате:

— Извини!

И тут же скрестил руки на груди, выпрямился как по струнке и уставился на доску.

Умные люди выбирают жизнь, а не верную смерть.

Отбросив мысль разговаривать ребят, Байсяо кое-как пришёл в себя и только сейчас почувствовал, как в кармане разрывается от вибрации телефон.

Доставая гаджет, он недоуменно нахмурился: скоро урок, а тут такой шквал!

— Байсяо, Байсяо...

— Эй, псс!

— Знаток Цзянху...

Кто-то отчаянно шептал его имя. Байсяо поднял голову. Из среднего ряда с передних парт два парня по очереди корчили ему мины, тикали и сдержанно шипели — похоже, это продолжалось уже не первую минуту.

Стоило ему посмотреть в их сторону, как одноклассник по прозвищу Ма Да изобразил пальцами телефон и начал активно тыкать воображаемый экран.

Намекал проверить сообщения!

Байсяо машинально почесал кончик носа, давая понять, что уловил сигнал.

В первой старшей школе Межзвёздного Альянса бытовал особый порядок распределения. Чтобы не создавать иерархических привилегий и лишнего стресса от постоянной смены коллектива, после выбора профильных предметов во втором полугодии первого года учеников случайно распределяли по классам. В этом составе они доходили до самого выпуска.

Единственным исключением становился один процент учащихся, уходивших на творческие специальности — из-за особого расписания их выделяли в отдельный класс.

Но в десятом классе прошлого года — ныне десятом классе третьего года обучения — «творческих» не нашлось.

А значит, их школьная семья осталась прежней.

Неизвестно, сколько чатов было у других, но у десятого класса их числилось два.

В одном состояли абсолютно все, а во втором — все, кроме Чи Цзиньсяня и Лу Чжи.

И прямо сейчас этот закрытый чат на пятьдесят человек буквально пылал от уведомлений.

[Выживающий в щелях десятый класс третьего года обучения номер два]

[Учебный сектор Чжун Цин: Чёрт, чёрт, да чёрт возьми, что происходит?! Староста отдал карту Кэш-Пулу?]

[Учебный сектор Чжун Цин: Скажите, что мне мерещится! Вы ведь тоже это видели?]

[Маленький Моторчик: Успокойся, Чжун Цин. Из пятидесяти двух человек... вернее, из пятидесяти, видели абсолютно все.]

[Учебный сектор Чжун Цин: Не верю! Два года! Сяньцзинь бегал за ним два года, а староста на него даже не смотрел! Сейчас третий выпускной год, учиться надо! Что за дела?!]

[Учебный сектор Чжун Цин: Байсяо, ты же явно в курсе! @Знатоки Цзяньху]

[Маленький Моторчик: Учебный сектор, думай об учёбе и не разводи сплетни.]

[Учебный сектор Чжун Цин:...]

[Маленький Моторчик: Байсяо, черкни мне в личку, поведай подробности @Знатоки Цзяньху]

[Учебный сектор Чжун Цин:...]

[Учебный сектор Чжун Цин: Ну ты у меня получишь.]

[Пьющий Воду Хэ Суй: Ха-ха-ха, но отчего же мне так радостно-то, а? Наш малыш Сяо Сяньцзинь наконец-то продвинулся! Вы только гляньте на форум — там куча народа зубы точит, а они ведь даже не представляют, ДО ЧЕГО Цзиньсянь милый!]

[Пьющий Воду Хэ Суй: @Знатоки Цзяньху]

[Неизвестный Жуань Чжичжи: Если бы вы тут не устроили базар, я бы и забыл, что этот чат вообще существует.]

[Неизвестный Жуань Чжичжи: Кстати, чату уже год, старосты в нём нет, а вы всё ещё сидите с реальными именами в никах? Ну и послушные же вы зайчики.]

Стоило этой реплике появиться на экране, как поток сообщений, призывавших Цзян Байсяо, оборвался. Наступила мёртвая тишина.

Казалось, никто не знал, что ответить, или просто не рисковал комментировать.

К счастью, ровно в этот момент всплыло очередное уведомление — наверное, долгожданный ответ Байсяо.

Но в следующую секунду добрый десяток учеников одновременно сдавленно ахнули. По классу прокатился синхронный, весьма громкий вздох.

Сообщение действительно пришло, вот только не в закрытую группу.

Почти три четверти класса уставились в экраны, сомневаясь в собственной вменяемости: основной облик чата, где за год едва набралось пару строчек, неожиданно ожил. И оживил его тот, от кого этого ждали меньше всего.

[Десятый класс третьего года обучения]

[Лу Чжи: Урок начался.]

Вслед за этой строкой во второй группе выскочила реплика Байсяо:

[Знаток Цзянху: Я бы и сам рад всё выложить, но правда ничего не знаю! [В панике]]

Отправив реплику, Байсяо среагировал точно так же, как и остальные: глаза на лоб вылезли, а телефон словно обжёг пальцы. Он сжался и выпрямился за партой с невероятной скоростью — одновременно перепуганный и собранный.

Этот бог что, умеет читать мысли на расстоянии?!

Лу Чжи производил впечатление человека недоступного, а при близком знакомстве оказывался ещё более неприступным. За исключением Чи Цзиньсяня, во всей школе вряд ли нашёлся бы ещё хоть один безумец, готовый тенью ходить за ним.

Ранее Байсяо рассказывал Цзиньсяню, что в средней школе у Лу Чжи был скверный характер и он даже дрался. Эти слухи ходили по всей школе, вот только Цзиньсянь, пропустив всё мимо ушей, надел на Лу Чжи непробиваемые «розовые очки».

За два года в старших классах Лу Чжи хоть и держался отстранённо и холодно, но вспышек гнева за ним никто не замечал. Со временем многие стали считать те слухи как обычные сплетни.

Но подходить к нему всё равно никто не дерзал.

Как староста, Лу Чжи существовал в своём личном мире со строгими правилами, нарушать которые запрещалось кому бы то ни было. Если они одноклассники, значит, в чате обязаны стоять реальные имена.

Даже находясь во второй группе, они на подсознательном уровне испытывали перед ним трепет.

Со звонком в классе установилась идеальная тишина.

Байсяо понимал: на нём как на соседе Цзиньсяня лежит колоссальная ответственность.

Вот только он и правда не ведал, что за муха укусила старосту.

Учитель запаздывал. Байсяо сгорал от любопытства: барабанил пальцами по парте, подавая знаки соседу.

Цзиньсянь наконец оторвался от сияния своей карточки и оглянулся на соседа с горящими глазами.

Увидев контакт, Байсяо просиял в ответ, приоткрыл рот, прошептал «Сяньцзинь», и осторожно потянул стул к его парте.

Не успели ножки сдвинуться и на сантиметр, как возможность расспросить испарилась без следа.

— Слушайте урок, — раздался сзади ровный, лишённый эмоций голос Лу Чжи.

Байсяо мгновенно одеревенел и выпрямился. Однако сдаваться не хотел, бросая на соседа отчаянные взгляды.

Спрятав карту, Цзиньсянь, будто и не слышал замечания, повернулся к Байсяо и беззвучно,

одними губами, проартикулировал с таинственным видом:

«Не-ска-жу».

Байсяо опешил.

Учитель наконец вспомнил про десятый класс и явился. Пока все вставали и приветствовали преподавателя, Цзиньсянь оглянулся на Лу Чжи.

Его и самого подтачивали вопросы. Неужели вчерашний разыгранный спектакль с «жалостью к себе» так сработал? Знай он заранее, начал бы притворяться несчастным куда раньше!

— Брат Лу.

— Повернись обратно, — отрезал Лу Чжи, не поднимая глаз. — И сиди тихо.

— Есть! — с радостной улыбкой отозвался Цзиньсянь и принялся слушать учителя с самым примерным видом.

От переполнявшего его восторга весь первый перерыв Цзиньсянь нарезал круги по коридору третьего этажа. На большом перерыве выскочил снова — и намотал ещё восемь кругов.

К концу третьего урока, когда знакомый силуэт в очередной раз мелькнул в проёме окна, Ци Суйи не выдержал. Выскочив из класса, он сгреб племянника за шею и волоком затащил в туалет.

До звонка оставалось две минуты. Оглядевшись и убедившись, что вокруг никого, Ци Суйи прошипел ему на ухо:

— Ну давай, выкладывай, что стряслось? Чего сияешь как медный таз?

— Ой, ну наконец-то ты спросил! Я уж думал, лопну — никому так рассказать не хотелось, как тебе, младший дядя! — расплылся в улыбке Цзиньсянь и вытащил из кармана самую обычную столовую карту. — Смотри!

Суйи выпустил его, без особого энтузиазма выслушал минутный, бурлящий восторгами пересказ и закатил глаза.

— Ну скажи, я ведь для него особенный? — восторженно подытожил Цзиньсянь.

Ци Суйи сжал зубы. Это он так мстит за недавние слова о том, что для Лу Чжи он «даже не

особенный»?!

Звонок уже прозвенел, а Суйи всё не мог успокоиться:

— Чи Цзиньсянь, ну объясни ты мне, глупому, за какие такие заслуги ты в него вцепился? — искренне недоумевал он. — Внешность? Ну да, хорош собой, не спорю, но не до такой же степени! Характер? Да у него эгоизм такой, что он и родителям не улыбнется! У тебя что, мозги набекрень?!

Цзиньсянь откашлялся, сменив тон на предельно серьёзный и торжественный. Суйи даже выпрямился, ожидая услышать сокровенное откровение...

— Понимаешь, мне кажется, наши семьи обручили нас ещё в колыбели. Так что я просто обязан взять за него ответственность, — веско выдал Цзиньсянь. — Я — его суженый. Понимаешь?

Чи Суйи окончательно выпал в осадок. Развернулся и пошёл прочь, не желая больше слушать этот бред:

— Бездна... Просто бездна! «Суженый», надо же!

— А что плохого в здоровой уверенности в себе?! — крикнул ему вслед Цзиньсянь.

Суйи прибавил ходу, словно на ветрорезе, и промчался мимо десятого класса яркой вспышкой. Цзиньсянь вбежал следом с криком: «Разрешите войти!».

Учитель кивнул, разрешая сесть.

Лу Чжи перевёл взгляд с окна на парту, неритмично крутя в пальцах ручку. Взор его потемнел, словно навалились неожиданные думы.

Никогда ещё Цзиньсянь не шёл на обед с такой гордо поднятой головой. Из вечного «хвостика» он превратился в спутника, шагавшего плечом к плечу с Лу Чжи, демонстративно сжимая в руке карточку.

Шедший по другую сторону Цзян Цзинь ухмыльнулся:

— А новость о том, что ты отдал ему карту, уже повсюду гуляет по школе.

Лу Чжи лишь коротко роздал «угу», не вдаваясь в подробности. Слухи о школьных знаменитостях всегда разлетались мгновенно — ничего удивительного.

— А уж как Сяньцзинь-то рад, — подмигнул Цзинь.

Улыбка Цзиньсяня стала ещё шире:

— Да я просто...

— Брат! — окликнул чей-то голос сзади, заставив всех остановиться. Всех, кроме Лу Чжи.

Тот даже ухом не повёл, продолжая идти вперёд.

Однако обладатель голоса, обрадованный редкой возможностью пересечься с Лу Чжи в школе, не отступал и нагнал их:

— Брат!

Цзян Цзинь полуоборотом смерил приближавшегося парня многозначительным взглядом. Цзиньсянь тоже замер.

Троица распалась. Лу Чжи на мгновение заколебался и всё же остановился. Он бросил на подошедшего скупой, почти пренебрежительный взгляд.

Перед ними стоял Лу Вань — его единокровный младший брат, учившийся во втором классе старшей школы.

На вид Лу Вань казался изящным, тонкокостным юношей. Взглянешь мельком — вылитый нежный Омега, не способный и тяжести поднять.

Но он был Альфой. И за этой внешней утончённостью проглядывали резкие, хищные черты, пропитанные глубоко скрытой мрачностью.

— На обед идёшь? — спросил Лу Вань.

Лу Чжи отвернулся и бросил отставшим спутникам:

— Пошли.

Цзиньсянь тут же сделал шаг вперёд, Цзян Цзинь последовал за ним, на прощание вежливо

кивнув Лу Ваню.

— Чи Цзиньсянь всё ещё таскается за тобой? — вдруг громко произнёс Лу Вань.

Увидев, что они снова вынужденно замерли, он подошёл ближе и состряпал заботливую минку:

— Брат, неужели он тебя не бесит? Ты на него даже не смотришь, а он липнет и липнет. — Затем он повернулся к Цзиньсяню и ядовито усмехнулся: — На месте других любой бы уже понял, что пора отвалить. Надо хоть немного соображать, где край.

Его заносчивый тон звучал так, словно он получил официальное разрешение Лу Чжи распоряжаться и отчитывать Цзиньсяня.

Взгляд Лу Чжи мгновенно остекленел. Цзян Цзинь недовольно нахмурился и сдержанно предостерёг:

— Лу Вань.

Цзиньсянь знал, что у Лу Чжи есть непутёвый младший брат, который то и дело путался под ногами и пытался привлечь к себе внимание — как сегодня. Но лично они прежде практически не пересекались, и подобного выпада в свой адрес Цзиньсянь ещё не слышал.

Неужто парень решил, что у него забирают старшего брата, и оттого брызжет слюной?

При всей своей доброте и мягкости Чи Цзиньсянь вовсе не был тряпкой. Давать себя в обиду он не собирался — лебезить он мог только перед Лу Чжи, но уж точно не перед кем-то ещё.

Солнечный и наивный перед Лу Чжи, Цзиньсянь нахмурился, и выражение его лица мигом похолодело.

— Поубавь спесь, — ровным, прохладным тоном произнёс он. — Не исключено, что скоро я стану твоей невесткой. И поверь, первое, что я тогда сделаю — вышвырну тебя вон.

<http://bllate.org/book/19561/1933831>